

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

DOI: 10.17805/zpu.2019.4.20

Проблемы межкультурной и мировоззренческой коммуникации

О. В. ШИМЕЛЬФЕНИГ

САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Предметом исследования является проблема межкультурной коммуникации, которая часто проявляется в процессе устных и письменных переводов с одного языка на другой. Анализируются типичные примеры, связанные с этой проблемой. Причина ее лежит глубже простого перевода текстов — в возможной большой разнице картин мира коммуникантов, даже если они оказываются представителями близких культур, — так проблема становится философской. По сути дела, любой обмен научной и иной информацией является актом коммуникации носителей индивидуальных образов мира, что всегда порождает в той или иной степени проблему взаимного непонимания.

В качестве метода решения проблемы предлагается «тройная философская рефлексия» — осмысление картин мира каждого участника коммуникации и самого переводчика — медиатора между ними, чтобы построить сценарий адекватного общения с достижением позитивного результата.

Ключевые слова: перевод; культурный код; межкультурная коммуникация; картина мира; коммуникация; понимание

ВВЕДЕНИЕ

С возрастанием технической мощи человечества, в особенности информационных технологий, его судьба и вообще жизнь на планете все больше определяются не механическими «объективными факторами» и «законами», действующими якобы независимо от нас, а нашими представлениями о мире в целом, воплощающимися в процессах взаимодействия людей друг с другом и с природой. Поэтому как никогда актуальна задача осмысления человеком мировоззренческой основы общения, а исследование этой проблемы с позиции сюжетно-игровой парадигмы (Шимельфениг, 2005) представляет собой научную новизну данной работы.

Мы будем рассматривать перевод (Влахов, 2009; Гарбовский, 2004; Рецкер, 2004) как деятельность по организации такого диалога между коммуникантами, при котором не только переводчик, но и каждый из собеседников должен осознать наличие проблемы межкультурной коммуникации, пытаться понять картины мира (культурные коды) как партнера, так и свои собственные; в чем-то они могут оказаться близкими, а в чем-то даже антагонистичными, что делает перевод более трудной проблемой, чем просто идеальный с грамматической точки зрения перевод слов и фраз с од-

ного языка на другой, вынуждая всех участников к поиску компромисса. Для текстов/диалогов мировоззренческого характера во многих случаях проблема может оказаться неразрешимой. Целью данной работы является более глубокое осознание читателем философских проблем употребления языка.

УСТНЫЙ ПЕРЕВОД КАК ДИАЛОГ КАРТИН МИРА

В обыденном понимании перевод — это деятельность, в ходе которой происходит замена слов и фраз текста на исходном языке словами и фразами другого языка таким образом, чтобы сохранился смысл сообщения, содержащегося в исходном тексте. К сожалению, в ряде случаев такое определение перевода трактуется слишком буквально даже профессионалами и сводится к формальной замене слов одного языка словами другого языка. И критерием хорошего/плохого перевода становится грамматическая правильность/неправильность текста, получаемого на выходе. Подобный подход порой можно, в частности, встретить среди специалистов, занимающихся нехудожественными переводами. Если речь идет о художественных литературных переводах, практически все люди, даже не посвященные в тонкости профессии переводчика, как правило, признают необходимость более глубокого анализа и недопустимость дословного перевода, так как любой художественный текст воплощает собой определенную картину мира.

Между тем на самом деле любой — даже, казалось бы, самый простой перевод включает в себе диалог двух, а иногда и более картин мира. И роль переводчика — стать посредником в этом диалоге, его функция гораздо сложнее, чем просто замена одних слов другими. В этом и состоит, с нашей точки зрения, *мировоззренческий, философский аспект проблемы перевода*, осознание которого будет, несомненно, помогать переводчикам выполнять свою работу более эффективно, обеспечивая между коммуникантами диалог на глубинном, а не только чисто вербальном уровне.

Переводчику следует помнить, что любое слово — это не просто название определенного предмета, явления или действия, это понятие, определенное информационное поле, в котором отражаются особенности национального менталитета, быта, традиций, истории конкретного народа. Таким образом, в каждом языке в любое слово вкладывается особый смысл, который пересекается, но редко является полностью тождественным смыслу аналогичного слова в другом языке. Слова и понятия формируют картину мира — как общую, т. е. свойственную в той или иной степени всем носителям данного языка и данной культуры, так и индивидуальную (свойственную конкретному человеку) и ситуативную, возникающую в определенном контексте жизненных обстоятельств. Таким образом, переводчик не просто передает смысл определенных слов, а *осуществляет трансляцию некоего культурного кода* (Рапай, 2008).

Что же является *«культурным кодом»*? На наш взгляд, это специфика менталитета, быта, особенностей поведенческих привычек представителей разных культур и национальностей. Тогда при большой разнице таких «кодов» даже безукоризненно правильный с точки зрения вербального выражения перевод может привести к непониманию между участниками общения, несмотря на формальное присутствие переводчика.

Какие стратегии может применить переводчик, чтобы верно транслировать культурный код, т. е. чтобы участники общения достигли своих целей?

Рассмотрим примеры из практики Э. В. Лариной-Кааби, руководителя бюро переводов онлайн в Chemin de Carel, Франция, любезно представленные ею в порядке обсуждения разрабатываемой мной проблемы мировоззренческой коммуникации.

Пример 1. Перевод в школе для детей, у которых есть проблемы со слухом, беседы родителей русскоязычного ребенка с преподавательским коллективом. Преподаватели перед началом беседы сообщают переводчику, что «русские очень холодно себя ведут и никогда не улыбаются», что создает напряженность при общении с ними. Переводчик делает предположение, что, возможно, родители ребенка чувствуют себя некомфортно и неуверенно, так как не могут адекватно выражать свои мысли на французском языке, а также поясняет, что в целом представители русской культуры улыбаются реже, чем европейцы, и крайне редко делают это из «простой вежливости», поэтому порой европейцы думают, что русские — «хмурые и недоброжелательные».

Благодаря посредничеству переводчика беседа преподавателей и родителей успешно состоялась, причем родители смогли полностью выразить свои мысли, почувствовали себя расслаблено и улыбались. Преподаватели были приятно удивлены и после беседы сказали переводчику, что «родители этой девочки, оказывается, милые и приятные люди», и они «наконец нашли с ними общий язык».

Первый шаг для этого был сделан переводчиком — еще до начала самой беседы он, пояснив и расшифровав поведенческие особенности, непонятные преподавателям, помог им настроиться на более дружеский и расслабленный тон — родители ученицы это почувствовали и ответили тем же, и, таким образом, «лед был сломлен» (продолжение истории — мама девочки в течение следующего года прекрасно освоила французский язык и в дальнейшем успешно общалась с преподавателями уже без участия переводчика).

Пример 2. Переводчику на деловой встрече предлагают продолжить русско-английский перевод, который до прибытия на место переводчика делал не профессиональный переводчик, а один из деловых партнеров. В ходе беседы переводчик понимает, что деловой партнер, который говорит по-английски, француз. Переводчик, владеющий как английским, так и французским языком, предлагает перейти этому участнику переговоров на его родной, французский язык (несмотря на тот факт, что переговоры без существенных потерь смысла можно было продолжить на английском, которым француз превосходно владел). Французский партнер оценил этот жест — специально для него пригласили переводчика с его родного языка. В результате переговоры прошли в крайне дружеском ключе и стали основой для дальнейшего продуктивного сотрудничества между сторонами.

Переводчик не просто из вежливости перешел на родной язык французского партнера — *это было сознательное переключение культурных кодов, ведь даже владея другим языком в совершенстве, человек все равно сам с собой разговаривает чаще всего на своем первом, родном языке.* Выражая свои мысли на родном языке, мы чувствуем себя более уверенно, поэтому, обращаясь к человеку на его родном языке, можно обеспечить ему большее раскрепощение и чувство комфорта и безопасности, что приведет к большей открытости в общении, а это так важно во время деловых переговоров.

Язык — это, несомненно, ключ к культурному коду и его переключению, ведь именно средствами языка порой можно выразить и неязыковые, невербальные особенности культуры.

Таким образом, переводчик, для того чтобы верно передать культурный код, правильно его транслировать средствами другого языка, должен быть не только специалистом в области собственно языка, но и грамотным и чутким психологом, хорошо

знать культуры как переводимого языка, так и языка перевода, проявлять умеренную и разумную инициативу, осуществляя посредничество при общении представителей разных культур и, еще глубже, разных картин мира (в ряде случаев делать пояснения, задавать уточняющие вопросы).

ПИСЬМЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ — УСЛОЖНЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Итак, мы убедились, что *при устном диалоге между носителями двух разных языков работа переводчика в философском плане будет осуществляться в три этапа.*

На первом этапе переводчику будет необходимо понять, что именно хочет сообщить носитель языка на понятийном уровне и на уровне его личной картины мира, для чего переводчик должен, во-первых, уже хорошо знать особенности мышления и культуры носителей данного языка, во-вторых, понять индивидуальные особенности мышления и представлений о мире данного носителя языка.

На втором этапе переводчику следует представить себя на месте второго коммуниканта — каким образом он может понять сообщение первого коммуниканта при дословном переводе и соответствует ли этот смысл тому, что хочет донести до своего собеседника первый коммуникант. Далее переводчику необходимо осознать, чего именно «не хватает» при дословном переводе исходному сообщению, и на этом основании уяснить для себя, следует ли задать первому коммуниканту какие-то уточняющие вопросы либо ему, переводчику, следует добавить от себя какую-то информацию.

На третьем этапе, мысленно резюмируя результаты первого и второго этапа, переводчик доступными ему вербальными средствами трансформирует дословный перевод таким образом, чтобы второй коммуникант / носитель другого языка понял исходное сообщение именно таким образом, как бы хотелось первому коммуниканту.

В ситуации устного общения философские проблемы перевода часто можно успешно разрешить благодаря тому, что общение происходит с конкретным собеседником/ собеседниками, и существует непосредственная обратная связь. А как быть переводчику, если количество собеседников безгранично, как в случае работы с письменным текстом? Ведь тогда нет возможности понять ход мыслей каждого из возможных участников общения, иными словами, в случае письменных переводов философский аспект проблемы перевода приобретает, так сказать, еще более «философский» характер. У. Эко пишет: «...я замечал... при соприкосновении с другим языком текст выказывал потенциалы истолкования, которые не были известны мне самому, и как подчас перевод мог улучшить оригинал (я говорю “улучшить” именно в отношении к тому *намерению*, которое сам текст внезапно проявлял, независимо от того исходного намерения, которое было у меня как у эмпирического автора)» (Эко, 2015: 9; курсив источника. — О. Ш.).

Тогда, по словам того же У. Эко, перевод «всегда должен стремиться к тому, чтобы воспроизвести намерение — не скажу “автора”, но *намерение текста*: то, что текст говорит или на что он намекает, исходя из языка, на котором он выражен, и из культурного контекста, в котором он появился» (там же: 9–10).

Переводчику придется смириться с неустранимостью до конца разнопонимания практически любого текста, даже на одном родном языке, и даже более того — благотворность этого вроде бы негативного явления для развития культуры человечества. Еще в 90-е годы прошлого столетия, когда только начала формироваться модель современной единой Европы, Ю. М. Лотман обратил внимание на необходимость раз-

непонимания реальности: «Будущее — не в стирании национальных границ, а в понимании чужого, в понимании **необходимости чужого**: чужой, инакомыслящий, иначе устроенный для меня мучительно необходим и составляет мое мучительное счастье...» (Лотман, 2005: 74; выделено нами. — О. Ш.).

*ОТ ФИЛОСОФСКИХ АСПЕКТОВ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА
К ПРОБЛЕМАМ ПОНИМАНИЯ В ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СМЫСЛЕ*

Если действительно подходить строго — *sensu stricto* (в «узком» смысле), нужно понять, что вроде бы один и тот же родной язык, включая «теоретический», употребляемый коммуникантами, на самом деле имеет собственную индивидуальную интерпретацию для каждого из них. По сути, ситуация гораздо хуже, коварнее, чем встреча с иностранцем, где мы отдаем себе отчет, что говорим на разных языках. А тут обычно не возникает даже мысли о принципиальном разнопонимании — в точности как у персонажей диалога жестами у Рабле (Рабле, 1961) — Панурга и Тоумаства, которые были очень довольны процессом своей коммуникации, только в результате оказалось, что каждый из них понимал все жесты по-своему...

Дело в том, что любой текст, любая информация погружается в картину мира (во многом бессознательную) конкретного воспринимающего и «перемалывается» в ней ее «программами» переработки, его «культурным кодом», давая на выходе свой «фирменный» продукт.

Один и тот же текст на родном языке не воспринимается одинаково разными лицами и даже одним и тем же человеком в разное время, что кажется незначительным эффектом обычным людям, но открывается как фундаментальная дифференциация индивидов истинным мыслителем: «...можно ли к тому, что воспринимается разными лицами, прилагать, тем не менее, термин “то же самое”» (Беркли, 1978: 343; выделено нами. — О. Ш.); «Ни один человек не понимает другого вполне... никто под теми же самыми словами не понимает того же, что другие, и разговор или чтение книги у разных лиц вызывает разный ход мыслей» (Гете, 1964: 199).

Тема мировоззренческих, философских аспектов проблемы перевода — конструктивного диалога между людьми, говорящими на разных языках, а также взаимопонимания людей, говорящих на одном и том же языке, становится все более актуальной в современном мире, когда, с одной стороны, фантастически упрощается возможность контактов разноязыких людей по всему земному шару, а с другой стороны, делаются все более доступными средства убийства и разрушения между непонимающими друг друга и потому конфликтующими людьми.

Если философски осмыслить эту проблему межкультурной коммуникации (Шимельфениг, 2005: 68–71), то становится ясно, что мировоззренческие дискуссии и споры, по сути, подобны рассмотренным выше в первой части ситуациям трансляции различных индивидуальных (и коллективных) картин мира, даже когда собеседники говорят на одном и том же языке, особенно при недостаточном осознании исходных посылок каждого.

Для успешной коммуникации человеку, даже в случае, если он общается не с иностранцем, а с носителем того же языка, что и он сам, — в какой-то степени придется применить тот же самый алгоритм, которому следует устный переводчик, только в этом случае в диалоге будет не три участника: первый коммуникант — переводчик — второй коммуникант, а только два — и оба участника будут одновременно выполнять роли и коммуникантов, и «переводчиков», и вышеуказанный алгоритм достижения

взаимопонимания превратиться в следующую процедуру «тройной философской рефлексии».

Сначала надо понять самого себя (нелегкая задача — реализовать экзистенциальное задание древнегреческих мудрецов: «Познай самого себя!») и четко осознать *свой язык автокоммуникации* — что ты сам вкладываешь в ключевые для тебя термины и понятия.

Затем, имея в виду конкретного собеседника, попытаться сделать аналогичную работу за него, ибо, даже если он ее для себя совершил и вербализовал свое представление о мире, его языка ты все равно не поймешь, пока не влезешь в его шкуру, не ощутишь себя им, — как талантливый актер по системе Станиславского.

Причем, повторимся, самое ужасное, что слова обоих языков автокоммуникации — твой и его — будут в основном те же, из родного словаря, но с совершенно разными оттенками смысла и сюжетами жизни, стоящими за ними. Хотя, конечно, могут быть группы очень близких по отношению к миру людей, что и создает у них иллюзию «объективности» и «истинности» мировосприятия и своей «философии».

И наконец, следующая, третья задача — построить сценарий, который хоть как-то создаст возможности передачи *моего* понимания мира другому человеку с учетом знания *его* языка и *его* представления о реальности. *При этом употребляемые обоими общие слова и термины чаще всего будут исказить смысл, создавая иллюзию понимания, так как автоматически интерпретируются каждым в разных смыслах.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы полагаем, что увеличение контактов между людьми, говорящими на разных языках, приведет к более глубокому осознанию философских проблем употребления языка в принципе — даже между носителями одного и того же языка, к более вдумчивому диалогу с принятием — или хотя бы допущением существования иной точки зрения, иного взгляда на одни и те же события, и благодаря этому в мире будет гораздо меньше конфликтов, вызванных неадекватной интерпретацией, взаимным непониманием картин мира друг друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беркли, Дж. (1978) Сочинения. М. : Мысль. 556 с.
- Влахов, С. И. (2009) Непереводимое в переводе. 4-е изд. М. : Р. Валент. 360 с.
- Гарбовский, Н. К. (2004) Теория перевода. М. : МГУ. 544 с.
- Гете, И.-В. (1964) Избранные философские произведения. М. : Наука. 519 с.
- Лотман, Ю. М. (2005) Разговор о пространстве // Лотман, Ю. М. Воспитание души. СПб. : Искусство-СПб. 624 с. С. 72–74.
- Рабле, Ф. (1961) Гаргантюа и Пантагрюэль. М. : Государственное издательство художественной литературы. 728 с.
- Рапай, К. (2008) Культурный код. Как мы живем, что покупаем и почему : пер. с англ. М. : Альпина Бизнес Букс. 167 с.
- Рецкер, Я. И. (2004) Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М. : Р. Валент. 240 с.
- Шимельфениг, О. В. (2005) Живая Вселенная. Сюжетно-игровая картина мира. XXI век: «Самозавет» или «Самоапокалипсис». Саратов : Научная книга. 688 с.
- Эко, У. (2015) Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. М. : АСТ ; CORPUS. 101 с.

Дата поступления: 23.01.2019 г.

ISSUES OF INTERCULTURAL AND WORLDVIEW COMMUNICATION

O. V. SCHIMELFENIG
SARATOV STATE UNIVERSITY

The subject of this research is the issue of intercultural communication, which often manifests itself in the process of interpretation and translation from one language to another. The author analyzes typical examples related to this issue. The reason for it lies deeper than simple translation of texts — in the possible great difference between the pictures of the world of communicants, even if they are representatives of close cultures — this is how the problem becomes philosophical. In fact, any exchange of scientific and other information is an act of communication of carriers of individual world images, which always causes a certain degree of mutual misunderstanding.

As a method for solving the problem, a “triple philosophical reflection” is proposed — comprehension of the pictures of the world of each communication participant and the translator himself — the mediator between them — in order to build a script of adequate communication with the achievement of a positive result.

Keywords: translation; cultural code; cross-cultural communication; picture of the world; communication; understanding

REFERENCES

- Berkli, Dzh. (1978) *Sochineniia*. Moscow, Mysl'. 556 p. (In Russ.).
- Vlakhov, S. I. (2009) *Neperевodimoe v perevode* / S. I. Vlakhov, S. P. Florin. 4nd ed. Moscow, Valent. 360 p. (In Russ.).
- Garbovskii, N. K. (2004) *Teoriia perevoda*. Moscow, MGU. 544 p. (In Russ.).
- Gete, I.-V. (1964) *Izbrannye filosofskie proizvedeniia*. Moscow, Nauka Publ. 519 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (2005) *Razgovor o prostranstve*. In: Lotman, Yu. M. *Vospitanie dushi*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB. 624 p. (In Russ.).
- Rable, F. (1961) *Gargantiua i Pantagriuel'*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 728 p. (In Russ.).
- Rapai, K. (2008) *Kul'turnyi kod. Kak my zhivem, chto pokupaem i pochemu*. Transl. from Engl. Moscow, Al'pina Biznes Buks. 167 p. (In Russ.).
- Retsker, Ya. I. (2004) *Teoriia perevoda i perevodcheskaia praktika. Ocherki lingvisticheckoi teorii perevoda*. Moscow, R. Valent. 240 p. (In Russ.).
- Shimel'fenig, O. V. (2005) *Zhivaia Vselennaia. Siuzbetno-igrovaia kartina mira. XXI vek: «Samozaвет» ili «Samoapokalipsis»*. Saratov, Nauchnaia kniga. 688 p. (In Russ.).
- Eko, U. (2015) *Skazat' pochti to zhe самое. Opyty o perevode*. Moscow, ACT, CORPUS. 101 p. (In Russ.).

Submission date: 23.01.2019.

Шимельфениг Олег Владимирович — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры геометрии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Адрес: 410600, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, корп. 9, оф. 313. Тел.: +7 (845-2) 513329. Эл. адрес: shim.ov@mail.ru

Schimelfenig Oleg Vladimirovich, Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, Department of Geometry, Saratov State University. Postal address: 83, Astrakhanskaya St., Saratov, Russian Federation, 410600. Tel.: +7 (845-2) 513329. E-mail: shim.ov@mail.ru